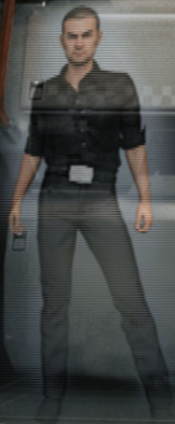

Светлана Нарватова

ПОСЛЕДНИЕ ВЫБОРЫ СЕНАТОРА

Светлана Нарватова
Последние выборы сенатора
Серия «Детектив Алекс
Коллинггейм», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67613982

Аннотация

Из-за чьей-то злой шутки Алекс Коллинггейм, лучший детектив отдела по расследованию убийств Атован-Сити, остался без работы. И это стало бы трагедией. Но за помощью к нему обращается сенатор Рональд Брукс. У сенатора пропал личный помощник с говорящим прозвищем «Блubberри». Втягиваясь в расследование, Алекс сталкивается с новым для него миром политтехнологий. И кому, как ни китиарке Тайни Роул, специалисту в области культурной антропологии и психологии, спасти Алекса в этом море? Если ее самой удастся спасти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	69
Глава 9	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Светлана Нарватова

Последние выборы сенатора

Глава 1

Алекс проснулся резко, словно по тревоге, и первую минуту никак не мог сориентироваться, где находится. На штурмовом корабле? Он огляделся. Крохотная квартирка, размером с коробку от обуви. Собственное жилье, которым Алекс еще недавно гордился. Пока не познакомился с китиарцами. Недвижимость, которая вскоре станет ему не по карману.

Словно сцены ночного кошмара, сквозь марево сна проступали воспоминания вчерашнего дня. Откровения бывшего напарника о том, что Алекс позвонил самому Дж. Дж. Уокеру, Шефу полиции Атован-Сити, и обозвал того тупым ублюдком. Это было правдой. Про тупого ублюдка. Но Коллингейм не знал ни одного человека на планете, у кого хватило бы смелости сообщить об этом Уокеру. В глазах народа, который был в курсе «подвига» детектива, Алекс, наверное, взлетел до высот стратосферы. Жаль, что дышать там нечем.

Коллингейм по горячим следам связался с Пепито, прия-

телем из отдела по наркотикам, и напомнил ему о предложении перейти в их службу. Тот сначала обрадовался. Но потом перезвонил и сообщил, что, увы, ничего не получится. Алекс, конечно, герой. Даже трижды герой. Да хоть десятирежды, это теперь никого не волнует. В отдел по наркотикам его не возьмут. В остальные силовые структуры тоже путь заказан. Никто не захочет ссориться с Уокером. Других бессмертных на Атоване нет.

Алекса бы устроила роль бодигарда. Только кому он в этой роли нужен после того, как засветился по всему Атовану в роли человека, перекрывшего кислород крупнейшему наркосиндикату сектора? Как метко было сказано устами Пепито, бессмертных на Атоване нет. Кто возьмет себе телохранителя, у которого на спине нарисована мишень покрупнее, чем у нанимателя? И если Уокер просто глазами повращает и воздух сотрясет, наркодилеры одними угрозами не ограничатся. Это точно.

Так что Коллингейм теперь не только безработный, но и полутруп. Жетон от лазера и раньше был прозрачной защитой. Но нынче у Алекса не было даже такой.

Убедившись, что очевидные места трудоустройства недоступны, Коллингейм отправился домой. Какой смысл стоять перед закрытыми дверями? Недосып предыдущей ночи нагнал детектива сразу после обеда. Втолкнув в себя порцию белкового концентрата и с трудом задав в себе рвотные позывы, Алекс рухнул на кровать. И отключился.

Проснулся Коллингем только сейчас. Он протянул руку к коммуникатору. Десять утра. За стенами уже день. А он тут валяется, как амеба. Пора завтракать и браться за поиски работы. Чего действительно не хватало в новой жизни, это старой, рычащей как раненный зверь, кофемашины. Заказав энергетик вместо завтрака, Алекс потянулся и отправился в санзону.

Смутное беспокойство, как навязчивая осенняя муха, никак не хотело его отпускать. Коллингем чистил зубы, разглядывая обросшую щетиной физиономию, и никак не мог уловить истоков этого чувства. Детектив примерил к нему и новость о подставе, и размышления о потере квартиры и возможной угрозе для жизни... Нет, ключ не подходил к замку, хоть убей. Хотя теперь подобными словами лучше не бросаться.

Алекс пытался нащупать ускользающую нить. Вот он проснулся... С этим ощущением. Ощущением тревоги и чего-то неминуемого. Какой-то безумно тяжелой потери. Он проснулся, считая, что он на штурмовом корабле... Перед глазами, как кадры галофильма, вспыхнули картины из сна. За пять секунд до пробуждения. Печальные глаза Тайни за иллюминатором космолета... За иллюминатором?! О, боже! Это сон. Просто сон. Глупый сон. Сердце стало биться ровнее. Беспокойство спало, хоть и не рассосалось до конца. То, что связано с Тайни, не может рассосаться до конца. Эта рана будет рубцеваться долго. Очень долго. Теперь им лучше

не видется. Алекс еще раз бросил взгляд в зеркало на щетину и махнул рукой. Кто его здесь увидит, такого красавца?

Коллингейм вскрыл бутылочку тоника, включил галовизор в режим Мегасети и запустил поиск вакансий. Например, фитнес-инструктора. Пусто. Горно-добывающая планета представляет совершенно бесплатные фитнес-программы на шахтах. С утра встал на смену и к вечеру так уфитнесировался, что дай бог до столовки дотянуть. Это вам не Парадиз, набитый богатыми бездельниками, как вакуумная упаковка – икринками минтая. Зато на шахте ему будут рады. Пока он будет жив. А как ему обрадуются за пределами столицы наркочилеры... Выкрадут потихонечку и поставят на ферму, отрабатывать причиненный ущерб. Алекс сделал глоток, и энергетик ударил в нос колючими пузырьками. Детектив потер переносицу. Куда ни кинь – везде глухо. На шахтах, кстати, тоже свободных вакансий не было. Как назло.

«Соперник Рональда Брукса на пост сенатора на ближайших выборах, управляющей добывающего концерна «Ато-Ван», Скотт Клиффорд, закрыл еще одно месторождение под предлогом заботы о рабочих», вещала миленькая ньюс-блогерша. «Что ждет оставшихся без заработной платы людей и их семьи?» Что, что? Все знают, что. Та самая из четырех букв, в которой оказался Алекс.

«Рональд Брукс поднял в сенате вопрос о рабочих местах. Уровень безработицы в Атован-Сити достиг рекордного уровня», – сообщил обозреватель в другом окне. Неукро-

тимый Ронни впереди планеты всей стоит на страже интересов простых людей. Хотя он и козлиная изрядный, как успел убедиться Алекс по последним делам. Однако, кто осмелится сказать ему это в глаза? Уж точно не Алекс. Где Алекс – и где сенатор Брукс?

Слушая вполуха рандомные новости, Коллингем вызвал весь список свободных вакансий по Атован-Сити. Работа была. Подсобным рабочим, например. В Квартале Развлечений. С такой зарплатой, что денег на аэрокар у него уже не останется. Придется устроиться там же и жить, подрабатывая, пока накаченное тело привлекает пожилых куриц.

Алекс тяжело вздохнул.

Коммуникатор ожил вызовом с незнакомого номера. Детектив включил режим ответа. Над коммом повисло лицо Рональда Брукса. Неожиданно.

– Здравствуйте, детектив, – пробасило лицо.

А он даже не побрился. И даже кровать не заправил. Черт.

– Здравствуйте, сенатор, – кивнул Коллингем. Теперь бегать и наводить порядок в доме немножечко поздно.

– Хотел бы сказать, что рад вас видеть, но не могу, – мрачно произнес Брукс.

– Я сам с утра не очень рад себя видеть, – признался Алекс.

– Слышал, у вас возникло некоторое недопонимание с Шефом полиции, – продолжил Ронни.

– У вас хорошие информаторы, – кивнул детектив.

– И я бы выразил вас сочувствие, если бы не... одно обстоятельство, – несколько смущенно выдавил Брукс, отводя взгляд, и интуиция Коллингейма сделала стойку. – В общем, у меня к вам, детектив, есть предложение. Работы. Если вы не откажетесь, конечно.

Предложение? Работа? Не откажется? Он не ослышался?

– Я готов рассмотреть ваше предложение, – как можно ровнее ответил Алекс.

– Вы можете подлететь ко мне в офис, чтобы обсудить детали? – попросил Ронни. – Только, пожалуйста...

К лицу присоединилась рука, указавшая на Алекса сверху вниз, и губы сенатора неодобрительно поджались.

– Да, я понял, привести себя в порядок, – кивнул детектив. – Ко сколько мне прилететь?

– Давайте через пару часов. Сможете?

– Думаю, да, – серьезно кивнул Коллингейм.

Сенатор кивнул.

Предложение! Работа! Сенатор Брукс! Утро определенно удалось.

И только игла беспокойства в сердце не хотела никуда исчезать.

Жизнь обрела краски. Время, до сего момента ползшее со скоростью улитки, понеслось, как новенький звездолет с разгона. Алекс, напевая веселую мелодию из рекламы нового бренда белковых концентратов, полез в душ. Чистые воло-

сы легли легкими волнами. Контрастный душ привел кожу в тонус, и теперь физиономия уже не выглядела осунувшейся. Насвистывая, Коллингейм нанес на лицо депилятор. Глаза сияли в предвкушении. Интуиция предсказывала серьезное дело и – главное – пусть временный, но достойный источник дохода. А там, как знать...

Алекс подмигнул себе в зеркале.

Чистое белье. Самый лучший костюм, в котором детектив был на памятном приеме. Но он же не модная барышня, которой недозволительно появляться на людях дважды в одном наряде. Внесезонные штурмовые ботинки, начищенные до блеска, возможно, и выбивались из общего стиля, но лучшего всё равно не было. Перед тем как выйти, детектив потерял статуэтку, подаренную Роул, будто она могла принести удачу. Вызвал аэрокар, выдержал пару минут на крыше под палящим полуденным солнцем, пока автопилот прицеливался, куда бы втиснуться, и окунулся в прохладу транспортного средства.

Глава 2

Дорога до офиса сенатора, знакомого Коллингейму по первому делу с Тайни, занимала около часа. Что же такого приключилось у Неукротимого Ронни, раз он сам, лично, связался с детективом? Алекс погрузился в новости. На Атоване вовсю шла предвыборная кампания. Столица, в которой проживало около пятидесяти процентов всего населения планеты, в Сенате имела шесть мест. Брукс представлял Северо-западный округ, в котором жил сам Алекс. Рабочие Кварталы. Домики-ульи, из которых затемно вылетали тяжелые шмели корпоративных аэробусов и пчелки подержанных личных аэрокаров. В их недрах, сонные как мухи, летели в промзону рядовые труженики, избиратели Ронни.

Противником Брукса в этом году стал некий Скотт Клиффорд, новость о котором детектив видел утром. Очень неприятный мужик с тяжелым взглядом. Соцопросы показывали, что Рональд уверенно ведет. Пятьдесят с хвостиком за него, тридцать с небольшим – за противника. Остальные – не определившиеся. Новости были забиты сюжетами с сенатором. Иногда, в общем благостном потоке, простреливали новостюшки о Клиффорде. Камера не любила бедолагу. Куда он с такой фотогеничностью в калашный ряд намыливается? Однако тридцать процентов он как-то наковырял.

Никаких проблем, судя по новостям, у Ронни не было.

Оставалось выждать каких-то полчаса, и Алекс узнает всё из первых уст. Он потер глаза. Уныло гудящий старенький аэрокар навевал дремоту. И детектив сам не заметил, как погрузился в сон. Он снова был на штурмовом звездолете-истребителе. В иллюминатор по ту сторону бешено стучала кулаками Тайни. Из рта шли пузыри, будто она находилась не в вакууме, а в воде. Ее волосы развевались. Алекс смотрел и не мог пошевелинуть ни рукой, ни ногой. Его словно пригвоздило к месту. Он пытался крикнуть, что за бортом человек, но из горла вырывались лишь какие-то жалкие хрипы. От них, хрипов, Коллингейм и проснулся. Потому что пытался крикнуть в реальности.

Наверное, это отходняк от прощания. Теперь, после Парадиза, он всегда будет бояться за Тай, когда она не рядом. Алекс потрянул головой, сбрасывая, словно мокрый пес воду, остатки сна. Автопилот показывал, что до конечной точки полета оставалось всего три минуты. Бизнес-квартал радушно раскрыл когтистые лапы, встречая гостей. Детектив приземлился на подземной общественной стоянке, где автопилот накопал свободное место. Коллингейму повезло. Идти было не слишком далеко, и большую часть пути можно было проделать по подземным ангарам. Выходить наружу не хотелось категорически. Как быстро он разнежился от хорошей жизни.

Здание, в котором располагался офис сенатора, встретило Алекса привычным обеденным шумом. Детектив поднял-

ся на лифте. Световая надпись на двери этажа сообщала, что внутри обед. Не входить. Убьют голодные обитатели. И съедят, чего доброго. Коллингейм сверился с коммом. Всё верно. До времени, назначенного сенатором, оставалось десять минут. Алекс нажал на ручку. Она поддалась. Офисный планктон, конечно, те еще звери. Но, авось, он отобьется.

Детектив старался идти тихо, не привлекая лишнего внимания. Возможно, Брукс не случайно выбрал это время, не хотел слишком афишировать встречу. Тело помнило дорогу в приемную. Будто вчера проходили они по этим коридорам вместе с Тайни, и ассистентка сенатора была готова кинуться на них, вгрызаясь в глотки. Алекс оглядывался по сторонам. Здесь почти ничего не изменилось. На стенах слегка обновились афиши, добавилось благодарственных адресов в тяжелых рамках. И всё. Общий облик, атмосфера остались прежними.

Впереди слышался женский голос, что-то втолковывавший собеседнику, и ответный мужской бубнёж.

– Я против, категорически против! – говорила на повышенных тонах женщина. – У нас и так бюджет трещит по швам, не знаю, где на заплатки наскрести.

– Это не обсуждается. Он нам нужен. Сейчас это единственный наш шанс.

– Тонни, почему ты не хочешь воспользоваться традиционными методами? – вопрошала неведомая собеседница неведомого Тонни.

– Потому что наш бюджет трещит по швам! – гаркнул тот.

Детективу меньше всего хотелось, чтобы его поймали на подслушивании в штабе предвыборной кампании. Поэтому он ускорился, покидая зону слышимости. В приемной тоже была пустота. Дверь в кабинет сенатора была распахнута.

– А, детектив, – сенатор встал из-за стола и с широкой улыбкой двинулся навстречу Коллингейму. – Очень рад видеть!

Он протянул горячую ладонь для рукопожатия. Будто не было между ними недопонимания ни в первую, ни во вторую встречи. Алекс ответил.

Сенатор прикрыл за ним дверь, демонстрируя, что ждали здесь только его.

– Вы не боитесь вот так, без охраны? – удивился детектив, усаживаясь в предложенное кресло.

– Открою вам тайну, – доверительно потянулся к Коллингейму Неукротимый Ронни. – Здесь целая куча охраны, и вели вас от самого входа по камерам. Но я предупредил Глена, что жду вашего визита.

– Это начальник службы безопасности? – уточнил Алекс.

– Да, конечно, – улыбаясь, как на галодебатах, кивнул Брукс. И замолчал.

Когда пауза стала напрягать, Коллингейм решил, что пора переходить к делу.

– Вы сказали, что у вас возникли какие-то... обстоятельства, – напомнил он.

– Да, детектив, – улыбка стерлась с лица сенатора. – Понимаете, у меня... потерялся помощник.

– В каком смысле «потерялся»? – уточнил детектив.

Он собачка, что ли? Второй носок под кроватью?

– В прямом. Позавчера мы с ним... повздорили. Немного. А вчера он не появился на работе. На вызовы не отвечает. Дома пусто. Морги, больницы – безрезультатно, – Брукс сделал широкий жест над столешницей, показывая, насколько безрезультатно. Прямо шаром покати мимо лузы.

– Вы предполагаете, он сбежал?

– Или его похитили, – предположил сенатор. – Или еще хуже. Понимаете, он очень многое знает. Я боюсь, что его могут использовать против меня на выборах.

Он сцепил пальцы в замок и отвел взгляд в сторону.

– У него есть, что предъявить? – поинтересовался Алекс.

– Фактически – нет. Но... обстоятельства нашей ссоры... Точнее, разговора... – Брукс склонил голову. – Понимаете, выяснилось, что он... альтернативно-ориентированный.

Алексу с трудом удалось сдержать смехок. Нет, в «верхних» кругах таким никого не удивишь. Но беда в том, что за Брукса голосовали работяги, которые были далеки от тонких изысков высшего общества.

– Вы сильно поругались? – уточнил детектив.

– В том то и дело, что нет. Нет, – развел ладонями сенатор и изобразил потрясение на лице. – Я сказал, что обнаружил некоторые... недвусмысленные факты.

– Вы можете уточнить, о чем речь? – спросил Алекс.

– Нет, простите, я бы хотел, чтобы это осталось между нами, – быстро ответил Брукс. – Так вот, я просто сказал, он ответил, что подумает, что с этим можно сделать. И всё. Мы разошлись совершенно спокойно.

– И вы хотите, чтобы я его нашел. Я правильно понял? – расставил точки над *i* Коллингем.

Сенатор кивнул:

– Да. Но чтобы ваше расследование не вызывало ажиотажа и кривотолков, я бы попросил вас на время стать моим консультантом по безопасности, – деловым тоном предложил он.

– А условия? – так же по-деловому ответил Алекс.

– Вы можете обсудить их с начальников Службы безопасности и руководителем Избирательного Штаба, – заулыбался сенатор так, будто уже получил согласие.

С другой стороны, откуда у него могут возникнуть сомнения? Коллингем – безработный с «волчьим билетом». Он согласился бы сейчас даже на расклейщика афиш.

– Идемте, я провожу вас.

Сенатор поднялся и сделал широкий приглашающий жест. И, конечно, Алекс пошел за ним.

– А почему ваша служба безопасности не может сама справиться с этим делом? – спросил детектив в дверях кабинета.

Да, Алексу очень, очень нужна была работа. Желатель-

но – с хорошей оплатой. Но неясности и непонятности – предвестник неприятностей. И хоть другого выхода всё равно нет, лезть в мышеловку придется, но хотелось бы хотя бы понимать, что его там ждет.

Сенатор закрыл дверь, которую уже начал открывать, и сделал от нее пару шагов к детективу.

– Дело в том, что у них немного другая направленность. Старина Глен – отличный вояка. У него прекрасно поставлена система защиты информации, – произнес Брукс негромко. – Но поиск иголки в стоге сена, без малейших зацепок, – это не для него. А привлекать к делу непроверенных людей, вроде частных детективов, себе дороже. Поэтому, детектив, – сенатор опустил взгляд на свои, сцепленные на уровне мужской гордости, пальцы, – я понимаю, как это выглядит с вашей стороны, но я даже рад, что у вас образовались... определенные сложности. Вы вычислили... шутника? – он снова посмотрел в глаза Коллингейму.

– Нет, но у меня есть подозреваемый.

Под подозрениями находился некий породистый красавчик-брюнет китиарских кровей, с которым Алекс не поделил девушку. Потому что ни он, ни Виктор делиться своим не умели. А китиарцы, как уже точно знал детектив, не прощают обид. Для мастера уровня Майера сгенерировать телефонный разговор голосом Коллингейма – на один щелчок пальцев.

– Вот и отлично, – Брукс дружески похлопал детектива по

плечу. – Найдете Томаса, определитесь со своими подозрениями... Глядишь, к тому времени уже и Джереми успокоится. Уокер всегда был вспыльчив.

Тут до Алекса дошло, что «Джереми» и «Дж. Дж. Уокер» – одно лицо.

– Но отходчив, – закончил Неукротимый Ронни.

И неуверенно покачал растопыренными пальцами в жесте «so – so».

Такой изящный намек, что если Коллинггейм будет хорошо себя вести, за него замолвят словечко. Или хотя бы снимут бирку «волчьего билета».

– Я буду искренне благодарен за помощь, – ответил на щедрое предложение детектив, без задней мысли протягивая руку для пожатия.

И лишь спустя секунду подумав, захочет ли сам сенатор Брукс лишний раз мараться об его руку. Но он пожал. Крепко и уверенно. Вот такой он, Неукротимый Ронни, которого не могут остановить на пути к победе ни летний зной, ни зимняя выюга. Только мелкий белобрысый полубой. Которого Алексу надлежит выцарапать из норы, в которой тот засел. Или куда его засадили. Про «засадили» можно было бы продолжить, но детектив не любил эту тему.

– И еще, – тихо произнес сенатор, отпуская руку Коллинггейма, – пожалуйста, никому не говорите. О происшедшем знаете только вы, я и Глен. Для всех сотрудников Томас Шуз вынужден уехать в дальний рабочий поселок, чтобы поуха-

живать за тетушкой.

Тетушка, видимо, согласно легенде, прячет под подушкой миллион. Иначе с чего бы Томас Шуз, окрещенный в народе подходящим случаю прозвищем «Блуберри», сорвался бы в разгар избирательной кампании своего босса в Дальние Кренделя с корзинкой, полной пирожков?

– Понял, – кивнул Алекс.

Сказали «к тетушке», значит «к тетушке». Всё равно теперь менять легенду уже поздно.

Сенатор кивнул в ответ и вышел из кабинета.

Глава 3

На месте Блуберри хозяйничала рыжая девица. Огненно-рыжая молодая особа со вздернутым носиком ковырялась в ящиках стола. Судя по тому, что при звуке открывающейся двери она не подпрыгнула и не завизжала – она имела на это право. Что сразу подтвердил сенатор:

– Это Вивьен Марлоу, детектив, она временно замещает Томаса, пока тот вынужден нас бросить по семейным обстоятельствам, – уведомил Брукс.

Вивьен резанула по Алексу острым, как джапанизская катана, взглядом и решила, что большего он не заслуживает. Сенатор, видимо, тоже решил, что Ванесса – не та фигура, которая требует долгого рассмотрения, поэтому решительно направился вглубь здания. По тем самым коридорам, которыми Коллингем шел в приемную.

– Вот мы и пришли! – гордо сообщил сенатор и решительно дернул дверь, из-за которой детектив минут десять назад слышал спор. – Знакомьтесь: Мозг и Сердце нашего офиса! Это детектив Александер Коллингем, о котором я говорил, – сообщил Брукс Мозгу и Сердцу.

– А это, – теперь сенатор говорил для Алекса, – прошу любить и слушаться: Энтони Парсон, менеджер избирательной кампании...

Высокий, солидный мужчина в дорогом костюме оторвал

пятую точку от подоконника, на который опирался, и сделал шаг навстречу вошедшим. Он был рослым, на вид под пятьдесят. Коротко отстриженные волосы были припорошены сединой. Лоб пересекали глубокие морщины. Из-под темных еще бровей прямо смотрели серые глаза, от которых разбегалась паутинка мелких бороздочек. Прямой, довольно широкий нос. Волевой, четко очерченный подборок. Приветственная улыбка на губах.

– Добро пожаловать, – приятным баритоном произнес Парсон.

– ...и Барбара Ожешко, руководитель избирательного штаба, – продолжил представление присутствующих Брукс.

Алекс не совсем понял, кто из пары был мозгом, а кто сердцем, но то, что Барбара Ожешко была Твердой Рукой этого офиса, было ясно с первой минуты знакомства.

Барбара сидела за столом, откинувшись в кресле и сложив руки на груди. Ее точеное лицо стервы транслировало лишь одну мысль: «Подчинись или умри». Возраст по лицу или фигуре было определить невозможно. То и другое могли принадлежать только фарфоровой куколке. На такое совершенство не способна даже гениальная инженерия Китиары. Только шприц и скальпель пластического хирурга. Это была блондинка с осанкой профессиональной балерины. Темно-карие глаза, длиннющие черные ресницы, темные брови и яркая красная помада в дополнение светлым волосам создавали потрясающе яркий, но каким-то чудом не вульгар-

ный образ. Красные губы были поджаты, а взгляд карих глаз выражал неодобрение. У Алекса мелькнула мысль, что возможно несколько минут назад здесь обсуждали именно его.

Барбара (Алекс был готов поклясться, что между собой ее называли не иначе как «Барби») поднялась с кресла, подошла и тоже по-мужски протянула ладонь для крепкого рукопожатия. Рука у кукольной блондинки действительно была твердой. Похоже, она дружила с физическими нагрузками.

– Надеюсь, вы окажетесь полезны, – процедила она, осматривая Коллингейма придирчиво, как породистого рысака на аукционе.

– Я тоже на это надеюсь, – произнес детектив, почтительно склонив голову.

Барбара кивнула с видом королевы, принявшей клятву верности у рыцаря.

– Я провожу Александера к Рэттлу и объясню правила, – ровно, без капли подобострастия, сообщила она сенатору.

– Вы моя палочка-выручалочка, – расплылся в улыбке Брукс.

Королева одобрила комплимент и указала Алексу поворотом головы, чтобы он следовал за ней. Сзади Королева была тоже без изъянов. Она не вызывала, как Тайни, щемящей нежности в сердце детектива и необузданной жажды ниже. Но она была красивой женщиной, а Коллингейм был мужчиной и отдавал должное ее пигмалионам в белых халатах.

– Мы – лицо компании, – произнесла она голосом учительницы начальных классов, позволив детективу ее нагнать. – Мы все должны выглядеть безупречно.

Барбара еще раз прошлась по Алексу беглым взглядом.

– У вас неплохие природные данные, – поставила она диагноз. – После юриста я провожу вас к нашему стилисту, он выдаст вам... что-нибудь приличное.

– Я в состоянии приобрести что-нибудь приличное, – не выдержал Коллингейм.

Королева остановилась и развернулась к нему:

– Почему же вы тогда ходите, как бомж?

– Потому что в этом состояла моя работа, может быть? – осклабился Алекс. – До позавчерашнего дня, – выдал он уже тише.

– Простите, детектив, – неожиданно легко признала свою неправоту Королева. – Я не подумала об этом. Но теперь ваша работа будет состоять в том, чтобы выглядеть безупречно. И обеспечивать безопасность сенатору Бруксу, разумеется.

Судя по интонациям, для Барбары Ожешко приоритеты стояли именно в таком порядке.

Она развернулась, как крейсер на рейде, вновь оказавшись к детективу кормой, и двинулась вперед, рассекая килем офисное пространство. Алекс, выдернув себя из прострации, поспешил следом. Кабинет начальника службы безопасности сенатора оказался на самом входе. Вроде, откры-

тость и демократия, но бодигарды не дремлют. Они с Барбарой застыли на пороге. В кабинете сидели четыре человека в боевых хамелеонах. На первый взгляд, бездельничали. Но расфокусированные взгляды и, казалось, беспорядочные движения пальцев говорили, что стражи работали через гарнитуры.

Один, – массивный, как Себ, – поднялся с кресла и подошел ко входу. В отличие от китиарца, он не был красавцем. Могучий торс венчался бычьей шеей, в которой утопал ушастый шар головы. Левую щеку начальника службы безопасности, как он представился, пересекал глубокий шрам лазерного ранения. Наверняка Рэттл имел финансовые возможности удалить его с кожи. Но без него лицо начбеза казалось бы рыхло добродушным: плебейский нос картошкой, разлапистые уши-лопухи, полные губы-вареники. Шрам и серьга перманентной гарнитуры придавали ему грозно-пиратский вид. Стрижка у Глена Рэттла была по-военному короткой. Барбара смотрела на него сочувствующим взглядом. Скорее всего, ее эстетствующая натура не могла вынести подобное безобразие. Но была вынуждена мириться.

– Это ваш новый сотрудник, – сообщила она. – После инструктажа и юриста пусть подойдет ко мне.

И всё. Никаких тебе: «Знакомьтесь, Алиса, это пудинг!»

– Глен Рэттл, начальник службы безопасности, – нисколько не смущаясь, представился здоровяк.

– Алекс Коллинггейм, до недавнего времени – детектив от-

дела убийств.

– Да, мне рассказали эту байку с твоим звонком. Тебе когда сообщили? – поинтересовался Рэттл, не сомневаясь, что это подстава. Впрочем, нужно быть Уокером, чтобы не сомневаться в обратном.

– На работе.

– И как, Уокер не распял? – хохотнул начбез.

– Я быстрее, – ответил Алекс, не уточняя обстоятельства. Лучше самому дать невинный повод для насмешек, чем на тебя накопают что-то реально серьезное.

– Про твое участие в захвате базы нирванщиков не врут? – Глен глядел в лицо детектива испытующе.

Коллингем пожал плечами:

– Понятия не имею, под каким соусом это было преподнесено вам.

– Давай на «ты». КаДе фарева? – он протянул руку кулаком.

Алекс привычно воспроизвел связку. Почувствовал в душе горечь. Теперь, после Парадиза, этот жест для него ничего не значил и ничего не обещал.

– Прости, ввести в курс дела смогу только после того, как ты подпишешь все бумаги, – сообщил начбез.

– Неразглашение? – скорее констатировал детектив.

Глен кивнул:

– Мы здесь постоянно на осадном положении. Поэтому – да. Никакого выноса материалов за пределы офиса. Никаких

снимков и диктофонов. Никаких левых аппаратов – будешь пользоваться только защищенным коммом. Прозрачные линии связи. Предупреждаю сразу, чтобы потом не было никаких: «А я не знал». Всё, что происходит внутри этих стен – секретная информация. Я доходчиво объяснил?

Коллингейм кивнул. Да уж куда доходчивее?

Юрист оказался образцовым клерком чуть моложе Алекса, но в пять раз зануднее. Коллингейм по его требованию дважды прочитал договор, один из них – вслух. Под галозапись. Чтобы потом не было никаких «А я не знал», припомнились ему слова начбеза. Оплата по договору была в четыре раза выше зарплаты в управлении. В четыре раза! Плюс подъемные на «дресс-код». Можно жить.

После юриста Алекс вернулся в каморку СБ, где Рэттл также, под галозапись, заставил детектива прочитать штук двадцать инструкций на всевозможные случаи и коды и предупредил, что еще двадцать его ждет завтра. А потом тренировки в «поле». Хотя Алекса наняли не для этого, функции бодигарда с него никто не снимает.

С полной кашей в голове Коллингейма отправили на расправу к Королеве. На его счастье, Барбару вызвал Биг Босс, и блондинка лишь сообщила имя стилиста и его внутренний номер. Остальное сделали светящиеся указатели.

Если детектив думал, что самое страшное позади, то глубоко ошибался. Он познал прелести эпиляции: в носу, под мышками и в зоне бикини. Алекс пытался отстоять поросль

у плавок. Но стилист был беспощаден.

– Мы – лицо кампании, – процитировал он Барбару.

– При чем тут мои ноги? – возмутился Коллингейм.

– Вот пойдет сенатор в бассейн, а вы – как орангутанг с волосатой задницей, – занудно сообщил стилист, собрат юриста. Про задницу он более грубо выразился. А по виду не скажешь, что он такие слова знает.

– Задницу не дам, – твердо сказал детектив, готовясь отвоевывать свою волосатость в интимном месте.

– Очень жаль, – печально ответил стилист, видимо, и собрат Блubberри тоже.

Потом была щипучая маска для лица, оформление бровей – эпиляция, только когда хвост рубят по частям. Потом стрижка. Потом Коллингейма измерили. Везде. Ну почти везде, хотя Алексу показалось, что подлюга-стилист очень настойчиво рассматривал неизмеренную часть тела. Потом детектив был готов материться, но его неожиданно отпустили на все четыре стороны, сообщив, что костюм придет на дом. На новенький комм (старый заставили тут же сдать) прилетело сообщение от Рэттла, что его ждут завтра, в восемь ровно. Алекс привычно мазнул взглядом по зеркалу... и встал, как вкопанный.

Из зеркала на него смотрел незнакомый элегантный мужик, по ошибке одетый в отребья. Может, стилист и собрат Томаса Шуза по левой лиге, но дело свое знал. Коллингейм и так собирался вечером набрать Тайни. Но теперь у него

просто руки обожгло от желания схватить комм. Разумеется, пользоваться служебным детектив не собирался. Совершенно понятно, что он не только «защищенный», но и контролируемый сверху донизу. А демонстрировать свои разговоры с Тай посторонним мужикам он не собирался. Поэтому, выбравшись из офиса сенатора, Коллингейм первым делом отправился в знакомый бар, где привычно приобрел неплохую подержанную модель. Чем ближе подлетал Алекс к дому, тем сильнее у него свербело. Добравшись до квартиры, он обнаружил уже доставленные дресс-кодовые комплекты и светозащитные очки со встроенной гарнитурой. И он не удержался – примерил. Теперь из зеркала на него смотрел законченный пижон. Детектив, улыбаясь, перебил с нового комм позывной, подписанный «Гипер». Тайни сейчас должна быть в нем, скорее всего – в анабиозе, и возможно не ответит. Алекс ждал, считая гудки. Досчитав до десяти, он собирался сбросить. Но Тайни неожиданно ответила.

– Алекс?... – спросила она потрясенно.

Детектив сполна насладился реакцией Роул, прежде чем сознание начало собирать воедино «неправильности» в ее облике.

– Тайни, что у тебя происходит?! – прорычал он, понимая, что, увы, потрясение вызвано не его офигительным видом. А чем-то очень-очень страшным.

Глава 4

– Алекс, я в гипере, – тихо произнесла Тайни дрожащими губами.

– Я догадывался. Потому и набрал тебя на этот позывной. Прости, что с левого комм...

– Алекс, у меня иллюминаторы открыты, – прошептала Роул, перебивая.

– У тебя... что?! Ты с ума сошла?!

– Благодаря твоему вызову – совершенно случайно нет, – чуть слышно прошептала китиарка.

Еще никому не удавалось сохранить рассудок при виде того, что происходит за бортом в гиперпространстве. Никому. Кроме Тайни Роул. Блин.

– Тайни, ты стоишь? – Алекс включил режим «переговорщика».

Она кивнула.

– Сейчас медленно, спокойно, не отрывая от меня взгляда, ляг на пол.

Изображение над коммом затряслось, пока китиарка выполняла его распоряжение.

– Легла? – спросил детектив, когда лицо Тайни нависло над ним. – Молодец. Не отрывай от меня взгляд. Ты в рубке?

Она кивнула.

– Где у тебя есть помещение без иллюминаторов, жела-

тельно, с запасом еды и теплой одежды, но хотя бы просто без «окон»?

– В трюме, – уверенно произнесла Роул, автоматически поднимая взгляд, визуально представляя образ.

– Не отрывай взгляд! Тайни, как туда можно пробраться, чтобы на пути не было опасных зон?

– Я пришла в себя, Алекс, спасибо.

– Я буду на связи.

– Да, конечно, – кивнула китиарка, начав путь по-пластунски.

– Давно ты так? – Нужно было поддерживать зрительный контакт, чтобы она случайно не зацепилась взглядом за образы открытого гиперпространства.

– Нет, только проснулась.

– А какого хрена ты иллюминаторы открыла? – прорычал Коллингейм.

Не нужно было отпускать ее одну. Хотя бы еще неделю продержаться здесь, на Атоване. Чтобы убедиться, что ее психикой после насилия всё нормально.

– Алекс, только не говори, что решил, будто я с катушек слетела. – Образ Роул дернулся, но она восстановила равновесие. – Я не открывала их. И должна была спокойно спать до точки выхода. Но автопилот меня разбудил, и снаружи было...

– Красиво? – не сдержал любопытства Коллингейм. – Страшно?

– Потрясающе. Алекс, это просто потрясающе, – она повела взгляд вверх в сторону, на этот раз вспоминая.

– На меня, – напомнил детектив, и снова оказался в ее фокусе.

– Это потрясающе. Правда. Но это затягивает, как... Как черная дыра.

Черт подери! Набери детектив ее на полчаса раньше, ему бы никто не ответил, потому что Роул была бы в анабиозе. Набери на полчаса позже, ему бы тоже никто не ответил. Уже.

– Я на месте.

Китиарка опустила комм на пол, чтобы остаться зоне видимости, сползла на пол по стене и обняла себя руками. Качество изображение было не фонтан, но было заметно, что ее трясет.

– Тай, укройся, – попросил Алекс.

– Ничего, – проговорила она, постукивая зубами. – Это постадреналиновый отходняк. Сейчас пройдет.

– Накройся, пожалуйста, чем-нибудь.

Коллингейму было холодно даже просто на нее смотреть. Роул на несколько минут исчезла из зоны захвата галокамеры.

– Тайни, разговаривай со мной!

– Всё в порядке.

Послышались хлопок и шуршание, и следующий момент она появилась, укутанная в мех.

– Это шкура медведя. Везла отцу в подарок с Камелота, – призналась китиарка.

Теперь, когда ее попа покоилась не на металле, а в косматой шерсти, Коллингейму стало комфортнее.

– Вот подонок, – прошипел он.

– Кто? Отец? – не поняла Тайни.

– Да нет. Майер.

– А при чем тут он?

– Понятно, что корабль взломали. Виктору для этого даже напрягаться не пришлось. Он был у тебя на борту и имел полный доступ.

– Тут я согласна. Но с чего ты взял, что это именно он? – допытывалась Роул.

– Потому что меня уволили с работы, – проскрипел Алекс. – За то, что я по комму сообщил Уокеру, что он дебил, подонок и полное дерьмо.

– А ты не сообщал, – сделала вывод Тайни.

– Я что, кретин? Нет, конечно. В то время, когда я ему «звонил», я был с тобой на корабле Себастьяна.

– И ты думаешь, что это устроил Вик? – уточнила Роул.

– И тебе подарок тоже, – кивнул детектив.

– Про мой подарок – не знаю. Совсем не факт, что оба эти события вообще связаны. Но про тебя могу сказать одно: Виктор бы так не поступил. Он мог бы устроить тебе несчастный случай с обрушением лифта. Мог глубоко подставить. Под любую статью. Но уж совершенно точно не стал бы ли-

шать тебя работы.

– Почему ты так думаешь?

– Алекс, скажи, если бы перед отлетом я предложила тебе лететь со мной, ты бы согласился?

Взгляд китиарки впился в лицо Коллингейма. Тот замешкался.

– Не трудись. Я прекрасно знаю, что нет, – констатировала Роул. – не потому, что ты меня не... недостаточно серьезно ко мне относишься, – быстро поправилась она. – А потому что ты слишком гордый и предпочитаешь твердо стоять на ногах. И у тебя есть место, где тебя ценят и в тебе нуждаются.

– Было, – поправил ее Алекс.

– Было, – согласилась Роул. – Кстати, для безработного ты выглядишь просто убойно, – наконец-то он дождался комплимента. – От безнадеги в модели решил податься? – подмигнула Тай.

Будто десять минут назад не стояла на грани рассудка.

– Нет, меня Брукс подобрал.

– Обогрел, накормил, придел... Он что, ориентацию сменил?

Коллингейм расхохотался, сбрасывая напряжение.

– Нет, но ты почти угадала. А может, и угадала, – вдруг посерьезнел детектив.

Брукс же не хотел распространяться по поводу обнаруженных «фактов». А вдруг эти самые «*факты*» между ними и произошли? Может, помощник его соблазнил?

– База, прием! – вывела его из размышлений Тайни.

– В общем, личный секретарь Брукса, ну, помнишь, та-
кой...

– Хорошенький блондин, – подсказала китиарка.

– ...играет за другую сборную, – мстительно закончил
Коллингем.

– Мне довелось наблюдать ревность титана?

– Ты даже айсберг ревновать заставишь, – буркнул, сму-
тившись, детектив.

– И тебя наняли его перевоспитать на личном примере? –
посмеиваясь, спросила Тайни.

– Сначала найти, – улыбнулся Алекс.

Саднящая с самого пробуждения игла, наконец, рассоса-
лась. Щеки китиарки снова обрели цвет, и она была очень
милой в этом своем покрывале из первобытных времен.

– Сбежал?

– «Потерялся», – поправил ее Коллингем.

– Сорвался с поводка?

– Где-то так, да. А поскольку я теперь – «лицо предвыбор-
ной кампании», наравне с остальным штабом, то и выглядеть
должен соответственно.

– Немного непривычно, – призналась Роул, пока детектив
крутился в модельных позах перед камерой. – Но очень тебе
идет.

– А какие у меня теперь гладкие бедра, – похвастался Кол-
лингем.

– Я не поняла, тебя в бодигарды готовят или в наложницы?

– Я тоже не понял, но вдруг сенатор в бассейн пойдет в окружении папарацци, а тут я с невымытым рылом, то есть небритым пахом.

– Хочу на это посмотреть, – зажглась Роул.

Разве Алекс мог ей отказать? К концу стриптиза он неровно дышал, но до санзоны рукой подать, авось, дотерпит.

– Потрясающе, – Тайни облизнулась. – Вернусь – всего ощупаю.

Приподнятое настроение как рукой сняло.

Если кто-то влез в управление корабля, чтобы изменить режим полета, то кто ему мешал поменять маршрут?

Наверное, эта мысль отразилась у Коллинггейма на лице. Потому что Роул тоже посерьезнела.

– Алекс, меня не хотели убить. Меня хотели свести с ума. Даже если я выйду из гипера не в той точке, где должна, вряд ли это место представляет для меня смертельную опасность. Куда веселее было бы отправить меня в лобовую в здравом рассудке.

– Кому, блин, веселее?!

– Тому, кто хочет отомстить, разумеется, – невозмутимо ответила, мать ее, китиарка.

И мать ее китиарка. И отец. Какого еще отношения к месту можно от нее ожидать?

– Конечно, можно предположить, что иллюминаторы от-

крылись сами собой. Но, мне кажется, логичнее версия, что им кто-то помог, – продолжала она с тем же выражением.

– И это не Виктор? – скептически произнес детектив.

– Алекс, мне безумно приятно, что в первую очередь ты думаешь о том, что связано со мной, – улыбнулась Тайни. – Но, на секундочку, буквально несколько недель назад мы с тобой разнесли к чертям собачьим оплот местного наркосиндиката. Если ты помнишь. И поспособствовали торжественному уходу со сцены его апологетов. Ты, тут, правда, не при чем, – поправилась виновато она. – Но они-то не знают.

– Кто – «они»?

– Те, кто обеспечивали производство нирваны. Распространение, отмывание денег, поставка, извини, сырья. Ты же не думаешь, что всем занималась исключительно верхушка?

Разумеется, Коллингейм не думал. То есть, в принципе, когда-то думал. О ситуации с нирваной. Но это было давно. Потом не до того было.

– А буквально на днях мы с тобой сломали схему продажи оружия во внешние секторы, – напомнила Роул. – Ее, конечно, «починят». Деньги, как вода, везде найдут щель. Но неплановые потери... Сроки... В общем, кое-кто может быть нами недоволен, – покачала она головой, как чайнизский болванчик, разом напомнив еще об одной недовольной стороне. – Если наши с тобой неприятности вообще связаны, – продолжила она. – Но могут быть и независимы друг от друга. Это может быть совпадение. И, может, мое плани-

руемое сумасшествие – всего лишь послание. Маме, например. Или Китиаре в целом. Давай не будем сейчас о грустном. Лучше расскажи, что там с твоей «голубичкой».

Коллингейм укоризненно взглянул на собеседницу, и китиарка прикрыла лицо ладонью, типа, ей стыдно, хитро поглядывая карим глазом из-под большого пальца.

– Не знаю пока, что там с «голубичкой», меня пока к самому делу не допустили. Там всё серьезно, полная секретность, всё такое. Шаг вправо, шаг влево приравнивается к измене Родины, если ты понимаешь.

Тайни серьезно кивнула. Слишком серьезно. И в глазах мелькнул лукавый огонек. Вот коза!

– В общем, комм у меня забрали, выдали навороченный, явно с прослушкой и маячком.

– Это нормально, – успокоила китиарка.

– Я вполне допускаю, что у вас паранойя – это нормально, – язвительно ответил детектив.

– Алекс, просто представь, о каких суммах идет речь.

– Да, платят там прилично, – согласился детектив, припомнив круглое число в договоре.

– Это только официально. А сколько платят неофициально... Сенатор – это кнопка для голосования. И за каждым кандидатом стоят те, кто жаждет на эту кнопку нажать. Не обманывайся милыми улыбками. Ты на войне.

– Да какие там «милые улыбки», – отмахнулся Алекс. – Гадюки с акульим оскалом. Кстати, в чем разница между ме-

неджером избирательной кампании и руководителем избирательного штаба?

Теперь, после слов Тайни про «войну», слово «избирательный штаб» приобрело совсем другой оттенок.

– Менеджер избирательной кампании – это политтехнолог, который разрабатывает стратегию продвижения кандидата.

– То есть «мозг», – определился для себя Алекс.

– Да. А руководитель штаба – это администратор, который координирует работу всех служб, задействованных в кампании.

– То есть «сердце»?

– Если в том смысле, что заставляет весь организм работать, то да, – кивнула Тай.

– Механическое тут какое-то сердце. Из нержавеющей стали.

Детектив поделился своими впечатлениями о «Барби».

– Зачем же так жестко: «из нержавеющей стали». Лучше сказать «золотое». Тоже мертвый металл, но звучит-то как, – улыбнулась Роул.

– Да уж, – поморщился Коллингейм, предчувствуя завтрашний день в компании «золотого» сердца. У него даже пальцы на ногах поджались, будто в них под ногти иголки воткнули. – А кто из них главнее?

Китиарка пожала плечами:

– По сути, это две стороны одной медали. Какая сторона

у медали главное?

– Не знаю, я тут ни одной медали не вижу. С какой стороны ни посмотри – одна большая... немедаль, – буркнул он.

Воистину, легких денег не бывает. Но ему нужны любые.

– Еще какая медаль! – возразила с улыбкой Роул. – И за отвагу, и за боевые заслуги, и за трудовую доблесть... Покрутишься там, сам поймешь.

– А ты, в смысле, в этом хорошо разбираешься?

– Есть немного.

Тут Тайни попыталась изобразить из себя скромную девочку. Получилось сексуально. Очень.

– Пробовала себя в роли менеджера кампании в небольших региональных выборах. Так... – Она отмахнулась.

– И как?

– Не понравилось.хлопотно.

– А результат-то как был?

– Результат был.

Теперь Тайни смотрела на него укоризненно. «Ты что, во мне сомневался?» – спрашивал взгляд. Но всё равно это смотрелось это безумно сексуально.

По-другому и не могло.

В разговоре провисла пауза.

– Алекс, тебе, наверное, нужно к завтрашнему дню готовиться? – вдруг спросила Тайни. – Я в безопасности.

Детектив скептически на нее взглянул.

– Как только включится режим выхода из гипера, я тебе

сразу сообщу, – пообещала кйтиарка. – Честно-честно.

Отключаться не хотелось. Но к завтрашнему действительно было бы неплохо подготовиться. И поесть нормально. Второй раз за день. И уже спать ложиться. Чтобы завтра прилететь вовремя и в хорошей форме. Всё же он «лицо кампании», чтобы ее...

– Тай, давай так: перед тем как ляжешь спать, отпишись. И как только проснешься – тоже. Хорошо? У тебя там еда есть?

– Есть. Хорошо, – согласилась она. – Ты мой ангел-хранитель. И в очередной раз меня спас.

– Это у меня такая дурная привычка, прости, – смущенно ответил детектив.

– Я люблю тебя, Алекс.

Эти слова обрушились на детектива, как бочка ледяной воды. Неожиданно, и дыхание перехватило. На секунду детективу показалось, что Тайни с ним прощается.

– Тай, я... Я обязательно скажу тебе это, – пообещал он. – Лично. При встрече. Я буду очень ее ждать.

Он улыбнулся.

– Ловлю на слове, – улыбнулась в ответ Роул. – До связи, детектив!

И отключилась.

Крохотная квартирка Коллингейма внезапно сжалась и опустела одновременно.

Глава 5

Детектив, оставаясь в прострации, медленно убирал вещи в шкаф. Ткань была отменная. Свободно тянулась и не мялась. Ее можно было хоть комком запихнуть в угол. Но рука не поднималась. И вообще он привык бережно относиться к одежде. Так она дольше носилась. Он бездумно надраил до блеска новые удобные туфли с укрепленным носком и пружинящей подошвой, как на штурмовых ботинках. В голове звучали слова Тайни. *Я люблю тебя, Алекс.* Конечно, он догадывался. Он надеялся. Но это было... как наждаком по сердцу. Потому что она – там. А он – здесь.

Убедившись, что к дресс-коду он готов, Коллингейм отправился смывать стресс в санзону. Он простоял минут десять под острыми струями контрастного душа. Потом помылся, непривычно по-новому ощущая давно знакомые части тела. Потом обсушился, позволив себе понежиться в потоках теплого воздуха. Взглянул на себя в зеркальную панель. Стилист, конечно, тот еще извращенец. Но руки у него растут из правильного места. Волосы сами собой легли идеально. Детектив привычно взъерошил их рукой, накинул домашний комплект «майка-шорты» и запустил комм. Новый, который навороченный. Пусть начальство знает, что он отработывает деньги.

Прежде всего он набрал в поиске «сенатор Рональд

Брукс». Стыдно сказать, про состояние дел своего нынешнего работодателя он знал только то, что случайно выудил утром в новостях. Непозволительно мало. Вот спросит какой-нибудь папарацци, замаскировавшийся под приличного человека: «А какова предвыборная программа действующего сенатора от Северо-западного округа?» А детектив и два слова проямлить не сможет. А ведь он «лицо кампании». Ай-ай-ай.

Выплывшие на запрос окна новостных каналов, однако, пестрели галозаписями и снимками самого Алекса. Сначала ему показалось, что у него что-то со зрением. Но нет. Ткнув в первую попавшуюся иконку, детектив узнал печальную историю борца с нирваной, освободителя поработенных аборигенов Парадиза и просто любимца всех китиарок, которого по навету злопыхателей выгнали с работы. Но сенатор Брукс, который помнит заслуги детектива Коллингейма перед Отечеством и благодарен за раскрытие дела о смерти невесты, протянул (по неофициальным данным) руку помощи герою. Алекс потыкал в другие окна. Причины увольнения детектива разнились: от происков наркоторговцев до зависти сослуживцев. Единственное, что их всех объединяло, это отсутствие упоминаний Дж. Дж. Уокера. Журналисты и блогеры тоже обладали чувством самосохранения. Дискуссионным оставался вопрос о том, что теперь сделают с детективом на улицах без жетона. Здесь фантазия новостетворцев просто зашкаливала. О некоторых видах расправ Алекс

узнал впервые. Наверное, они были придуманы специально для него. Или ради хайпа. Когда еще выпадет случай безнаказанно поугатать подписчиков самыми страшными ужасами Атован-Сити?

И когда успели разузнать? Чего доброго, ему завтра во-луют за то, что в новостях обогнал сенатора по популярно-сти. Но он-то точно не при чем. Детектив вообще ни с кем ни о чем не говорил. Кроме Тайни Роул. Но ей сейчас совер-шенно точно не до новостей Атована. Однако вопрос о том, что он делал в баре, где покупал комм, останется открытым. М-да. Не самое радужное начало карьеры.

Коллингейм без аппетита пережевал свой сбалансирова-но-синтезированный ужин и проверил второй комм. На нем был галоснимок Роул на медвежьей шкуре в обнимку с ка-ким-то баулом. И ее тихие слова: «Сладких снов, детектив». На сердце стало чуть спокойнее. Он рухнул на кровать. Бур-ные эмоции, самые полярные: от отчаяния до ликования, от ужаса до счастья, выжали психику до капли. И Алекс почти сразу упал в сон без сновидений.

Проснулся он за несколько мгновений до сигнала будиль-ника и успел его дезактивировать прежде, чем дребезжащий ретро-сигнал взрезал черноту квартиры. Сбегав по-быстро-му в санзону, Коллингейм проверил комм. Тайни присла-ла ему галооткрытку. Диск спиральной галактики под углом к наблюдателю, потрясающе яркий в рваных облаках меж-звездного вещества. Сквозь них пробиваются наиболее яр-

кие звезды. А те, что помельче, лишь подсвечивают сгустки материи. И знакомый тихий голос: «Звезды прекрасны. Но ты – лучше». Лиса-подлиза. Но настроение подскочило, и черт с ним, с этим сенатором, и его штабом, и войной...

Алекс собирался легко и споро. И даже завтрак, – для бодрости и энергии углеводный, – проглотился с радостью. Последним в сборах значился рабочий комм. Коллингейм открыл его, чтобы проверить положение аэрокара. А обнаружил неоткрытое сообщение. Детектив, не задумываясь, активировал его.

«Если хочешь жить – исчезни с Атована», – говорилось в сообщении механическим голосом. После чего файл сообщения самоуничтожился. Просто – пшик! – и будто ничего не было.

Но ведь было.

Алекс не определился, как относиться к угрозе. В конце концов, как «обещать – не значит жениться», так и «угрожать – не значит убить». К тому же у него всё равно пока не было реальной возможности покинуть Атован. Тай права – он был слишком горд и слишком ценил устойчивое положение на земле, чтобы срываться черте куда без перспектив на будущее. Пусть Тайни любит его, а он любит Тайни. Бог ведает, как принято у них, на Китиаре, а у него принято, что мужчина должен если не содержать свою семью, то, по крайней мере, привносить в нее не меньше, чем супруга. Навер-

ное, это плохо. Но по-другому он не умел. Роул значила для него очень много. Но даже ради нее он не смог бы пожертвовать самоуважением.

По поводу первого пункта – покидать ли Атован, – Коллингем определился. Осталось решить, говорить ли о сообщении новому работодателю. Взвесив «за» и «против», детектив принял решение промолчать. Зачем лишний раз акцентировать внимание на том, какой он неудобный работник? Тут еще неизвестно, каким боком вылезут вчерашние новости. А если Служба безопасности это сообщение засекла, то тут говори – не говори, проблем не избежать.

Поэтому Алекс одернул пиджак, бросил одобрительный взгляд в зеркало и пошел к транспортному средству. До Бизнес-квартала он долетел значительно раньше, чем планировал. Он припарковался на служебной парковке. «Барный» комм запрятал в тайнике аэрокара. Торопиться Коллинге-му было некуда, поэтому он решил прогуляться по утренней прохладе. «В «штаб» его брать нельзя, а так всё ближе, чем дома. Детектив, весь такой нарядный, смотрелся в толпе клерков как еще один штампованный винтик. С другой стороны, он привык не выделяться. Просто здесь, чтобы не выделяться, нужно выглядеть по-другому.

Начбез Брукса тоже был на работе загодя. Они обменялись с Гленом рукопожатиями, новый начальник пригласил Алекса в отдельный кабинет – клетушку-комнатушку размером с чулан, без окон, без дверей. Впрочем, дверь была, но

сливалась со стеновыми панелями так, что если специально не знаешь, где нажать, не войдешь, не выйдешь. Стол был один, металлический и пустой. Кресла два. Хорошо, что это были именно кресла, одинаково удобные с обеих сторон. А то прямо допросная в чистом виде. Наверное, и столик только с виду металлический, а на самом деле любую кровь всасывает, как вампир из галосериалов.

Рэттл прошел к хозяйскому креслу, то, которое стояло лицом ко входу, а детективу предложил сесть напротив.

– Сенатор Брукс уже изложил вам свою проблему, – констатировал он, удобно устроив массивное тело на сидении.

Алекс кивнул и незаметно выдохнул. Ни претензий про новости, ни разборок про угрозы. Пока.

– Да, он сказал, что Томас Шуз... – «сделал ноги» скаламбурил про себя Коллингейм, – пропал при невыясненных обстоятельствах после размолвки с сенатором, – закончил он профессионально.

Теперь кивнул Глен.

– Хотелось бы, конечно, получить более подробную информацию о сути размолвки, – заговорил было Алекс, но начбез лишь молча помотал головой.

– Тогда мне нужна вся доступная мне информация: досье, сведения о контактах, последнее известное место. Я понимаю, что геолокацию вы пока не можете запросить...

– У нас уже есть его геолокация, – опустив голову, произнес начбез.

Гипотезу о наличии маячка в комме можно считать подтвержденной. Алекс хранил покерфейс.

– И последние вызовы? – уточнил он.

– Да. И записи с камер после разговора с сенатором, – с таким же выражением лица ответил Рэттл.

Понятно, записи из кабинета Брукса никто показывать не будет. Возможно, их нет в принципе. Поскольку никогда не знаешь, когда друг станет недругом.

– Работать можете здесь, чтобы ничего не отвлекало, – предложил начбез. – Еще что-нибудь нужно?

– Томас получал угрозы? – включил Алекс «детектива».

– Насколько мне известно, нет.

– Вы просматривали его аккаунт?

Рэттл завис, видимо, определяясь с глубиной дозволенной правды.

– У него стояли фильтры на определенные слова, – произнес он наконец. – На них срабатывала запись. Но в последние две недели ничего подобного не было.

– А раньше?

– Раньше не было ничего предосудительного.

Может, не врет. Существует вероятность.

– Что ему грозило в связи с обнаружившимися *фактами*?

– Я не знаю, – ответил Рэттл, не задумываясь. – Возможно, его попросили бы освободить место. Хотя он был хорош. В профессиональном смысле, – быстро поправился начбез. – Возможно, попросили бы поприжать хвост... Простите, –

смутился он неожиданному смыслу сказанного. – Подчистили бы за ним, если бы в этом была нужда. Хотя он и сам прекрасно с подобным справлялся. Я правда не знаю.

Рэттл посмотрел детективу в глаза.

– Какие у вас были отношения? – спросил Алекс.

– Нормальные были отношения, – со сдерживаемым раздражением выдал начбез. – Деловые. Томас всегда организован, удерживает в голове все детали, никогда и о чем не забывает, – говорил Глен, жестикулируя с неожиданной для него эмоциональностью. Он не размахивал руками, а словно рубил воздух сложенной ладонью.

Коллингейм обратил внимание на то, что Рэттл говорит о коллеге исключительно в настоящем времени.

– Почему вы уверены, что он жив? – поинтересовался детектив.

Начбез поднял взгляд от стола.

– Я не уверен, – ответил он почти ровно. – Просто... По привычке.

Ладно. Это всё лирика. Еще будет время разобраться с данным феноменом. Вряд ли Рэттл имеет отношение к пропаже Блуберри. Разве что он был «фактом»...

– Где в последний раз ловился его комм? – перешел к более насущным проблемам Алекс.

Если бы он был активен до сих пор, «ягодку» бы давно вернули в жаркие объятия папочки Брукса.

– Недалеко от Квартала Развлечений.

– Что вы обнаружили на месте пропажи?

– Ничего. Обычная крыша. Офис-хауз класса С на окраине Бизнес-квартала с кучей мелких контор-арендаторов. В это время суток – практически безлюдное место.

– ДНК, кровь, пот?

– Детектив, я морду могу набить. Луч грудью принять. Установить наблюдение. А вот эти шаманские танцы в гелевых перчатках – это не про меня. Потому тебя сюда и позвали.

– Мне нужно будет оборудование.

– Через своих в Управлении не сможешь достать? За пять минут мы всё равно полноценный комплект юного детектива не соберем, – словно извиняясь, произнес Рэттл.

Можно и за пять, чего лицемерить. Но дорого. И Алекс вновь вспомнил подслушанный разговор об ограниченном бюджете.

– Постараюсь, – пообещал детектив.

Если Олдмена не трясут на оперативке, то можно попробовать. Если у напарника хватит смелости рискнуть.

– Скиньте мне координаторы, пожалуйста, я отлучусь, огляжусь, – уведомил детектив. – С вашего позволения, – быстро поправился он.

Это в Управлении он был сам себе ветер в поле, и отчитывался о результатах всего раз в день – перед капитаном. А бывало, что и реже, если дела вел рутинные.

– Валяй, – кивнул начбез. – Допуск ко всем материалам я

дал, но активация возможна только здесь, — он обвел рукой помещение. — Чтобы никто не мешал.

И для дополнительной гарантии, что ничто не уйдет случайно налево. Наверняка эта тайная комнатка нашпигована всякими умными штучками. Недаром из коридора ее хрен найдешь.

Алекс встал.

Покинул офис.

Набрал Генри. И тот даже ответил.

Глава 6

– Привет, звезда экрана, – расплылся в улыбке недавний напарник в гарнитуре. – Никак, Герой Дня снизошел до скромных сослуживцев?

– А ничего, что недавно «скромные сослуживцы» Героя Дня метлой с работы вымели?

– Ну, нашел, что вспо-омнить, – обиженно проныл Олдмен, вспахивая пальцами рыжие лохмы, будто дело было лет десять назад. – Ты тогда совсем в другом смысле был «Героем Дня». Коллингейм, почему все самое интересное происходит именно с тобой?

– Ага. Угрозы, например, – буркнул Алекс.

– Тебе угрожают? – всполошился Олдмен.

Коллингейм еще не определился, как относиться к утреннему сообщению, поэтому неопределенно промычал:

– Я уже забыл, когда нет.

В конце концов, на новой работе его тоже постоянно пугают. А если не пугают его, то он сам пугается, что сделал что-то не то, не так и не там.

– Как там, у сенатора за пазухой? – Олдмен подмигнул. – Уже и выглядишь, как порно-модель.

«Уже». Великая сила имиджа. Во всем, что окружает Брукса, ищут сексуальный подтекст.

И, как выясняется, люди-то не слишком ошибаются...

– Я одет, – возразил Алекс, указывая на себя сверху вниз.

– Они тоже одеты. Вначале. Примерно так же, – сказал Генри, посмеиваясь.

Всё-таки, повезло Коллингейму с напарником. Золотой характер. Полный здорового пофигизма и гармоничного раздолбайства.

– Это всё нужно отрабатывать. Генри, мне нужна твоя помощь, – проникновенно произнес Коллингейм, раз уж бывший напарник сам к деловым вопросам перешел. – Мне поручили одно очень деликатное дело. – Олдмен вскинул бровь. – Нет, прямо очень деликатное. Такое, что меня несколько раз заставили под галозапись подписать соглашение о неразглашении.

Генри кивнул. Понимает.

– Мне нужен «волшебный чемоданчик». Буквально на час. – Бровь опустилась. – Ничего криминального. На осмотр. Если нужны будут анализы – за счет сенатора.

– С собой возьмешь? – набычился рыжий.

Алекс прикинул. Вряд ли они обнаружат на крыше труп. Они будут искать следы относительно свежих биологических жидкостей. За более чем трое суток там всё уже перетоптали: вправо, влево и по диагонали. Если что-то там вообще было. По отрывочной информации Генри вряд ли сможет понять, кого потерял сенатор. В их тандеме Олдмен всегда был ногами и запасными руками. Зато появится оборудование. Причем раньше, чем солнце войдет в зенит. Потом толку от это-

го оборудования станет чуть.

– Давай, – кивнул Коллингем, скинул координаты встречи и дал отбой.

В аэрокаре Алекс первым делом выцарапал из-под сидения комм и проверил. Сообщений не было. Тревожное ощущение неопределенности, знакомое по Парадизу, заполнило детектива. «Ты в порядке?» – набрал он. – «Я беспокоюсь».

Экран молчал.

Детектив ввел координаты полета в автопилот и запустил взлет.

Экран молчал.

Под аэрокаром проносились безликие многоэтажные громады, желтушные от утреннего солнца. Зайчики лучей, отраженные от окон, носились в догонялки по своду транспортного средства.

Алекс снова глянул на комм. Звуковые сигналы он отключил. Вдруг не вовремя выдаст? Мало ли кто может оказаться в этот момент рядом? Тот же Олдмен, например. Не хотелось бы постороннему человеку объяснять, почему у него два комм, и один из них – спрятан. Увы, входящих не было.

Детектив прикинул: от офиса сенатора до дома, где в последний раз ловились сигналы «голубичкиного» комм, было ближе, чем от Управления. Плюс, еще Генри еще нужно взять чемоданчик у криминалистов. На серьезные дела выезжали профессионалы. Но на всякую мелочь мэтров ста-

рались не беспокоить, так что подозрений такая рутинная просьба вызвать не должна.

Он снова активировал комм.

«Алекс, прости, с мамой общалась», – прилетело от Тайни.

Детектив тут же ее набрал.

– Привет, – Коллингейм незаметно выдохнул, когда над коммом появилась цветущая китиарка. – Ты бы еще Майера набрала...

– Алекс, я по закрытому каналу. Мама обещала подключить опытного пилота, когда я выйду из гипер. Для страховки.

Детектив кивнул. Он, как обычно, думает только о себе. А Тай приходится заботиться о себе самостоятельно. «Спасение утопающих – дело рук»... Перед глазами вспыхнул сон, где Тайни «булькала» за окном звездолета. Вот она сама и спасется, как умеет. По части пилотирования Коллингейм ей точно не помощник.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Алекс.

– Отлично. Будто заново родилась, – солнечно улыбаясь, ответила Роул.

Длинные тени прорезали улицы, разделяющие Бизнес-квартал и Квартал Развлечений. По узким тротуарам, пошатываясь от ночных возлияний, ползли единичные посетители круглосуточных казино. Аэрокар перешел в режим подготовки к парковке и начал замедляться. Женским голо-

сом он предупредил пассажиров о приближении к цели полета.

– Ну всё, не буду отвлекать тебя от работы, – улыбнулась Тай.

– Если меня не будешь отвлекать ты, мне придется самому, – признался детектив.

– Пока! – тепло улыбнулась Роул, одними губами произнесла «Я тебя люблю» и отключилась.

На душе полегчало. Алекс выбрался из аэрокара и заправил сзади выбившуюся из-под ремня рубашку. Машина улетела искать свободную парковку. Крыша офис-хауза не предусматривает парковочных мест для стоянки. Только остановки. За исключением спецтранспорта, а Коллингейм был не при исполнении и даже без жетона. Коммы рассовал по карманам. Он не в штабе, отказ от пользования иной техникой за его пределами не подписывал, так что идут они со своими тайнами...

Детектив набрал Рэттла. Тот ответил почти сразу. Начбез восседал в том самом кабинетике с рамками, куда Алекса привела Барби Железные Я... тьфу, Золотое Сердце!

– Глен, скажи, пожалуйста, тайминг пребывания объекта на последней точке, – попросил Коллингейм.

Рэттл кивнул и движением пальца запустил поиск. Алекс успел в очередной раз поразиться лопоухости нового начальника, когда тот ответил:

– Припарковался в 19:37. Сигнал пропал в 20:50.

– Движения маячка?

– В пределах чувствительности.

То есть движения не выходили за пределы пяти, максимум – десяти метров, если объект двигался медленно. Что же он здесь делал больше часа? Кого ждал?

– Вызовы с его комм после размовки были? – спросил Алекс.

– Только вызов аэрокара в эту точку. Всё.

– А его где припаркован?

– У него еще не было своего, детектив.

Алекс уже так сжился со своим «драндулетом», что уже забыл, что копил на него три года.

– Понял. Локализация? – уточнил Коллингем.

– Юго-западный сектор крыши.

– Спасибо, шеф. Буду искать.

Алекс бы тоже выбрал юго-запад. Там начинался Квартал Развлечений. Он отличался от Бизнес-квартала, где соседние здания были почти как братья-близнецы. Доходность от казино и борделей была на порядок (и иногда и на пару порядков) выше, поэтому владельцы могли себе позволить оригинальность. Здания тут были всевозможных форм и расцветок. Особенно это бросалось в глаза ночью, когда весь район сиял огнями, как рождественская елка. Галоизображения фривольного содержания взвивались ввысь, в беззвездную темноту. Они зазывали на интимные упражнения тех, кому не повезло дома или просто хочется разнообразия. Здесь

можно было найти самые разные заведения. От салона красоты до клуба любителей антикварных книг, таких смешных, толстеньких, как бочонки, напечатанных на тонком пластике. Удовольствия на любой вкус. Но большинство предпочитало потрахаться без обязательств или срубить денег на халяву. Атованцы – люди простые, без затей.

Над островерхими, плоскими, купольными и сложновывернутыми крышами дрожало марево надвигающегося дня. Пока еще город успевал остыть за ночь, и утро было вполне терпимым, даже бодрящим. Но часам к двум дышать на улице будет уже нечем. Только к вечеру на Атован-Сити опустится блаженная прохлада. Алекс надел солнцезащитные очки и включил гарнитуру на запись. Крыша была плоской и лысой, как коленка. По углам торчали четыре башенки-тамбура. Парковочная разметка была затерта, но еще просвечивалась на сероватой бугристой поверхности. Сильнее бросались в глаза ливневые водостоки, прорезающие крышу темными шрамами. Вот и весь пейзаж. Вечером здесь вид куда интереснее.

Один аэрокар отделился из роя в небе и стал приближаться к крыше. На подлете Коллингейм его опознал. На носу, чуть слева, красовался зеленый стилизованный трилистник, который Олдмен считал своим оберегом. Алекс отсалютовал. Из-за солнечных бликов он не видел реакции, но какая разница? Железная «пчелка» выпустила из своих недр радушно улыбающегося напарника. Лицо парня ближе к лету

всегда покрывалось веснушками, как поля – одуванчиками. На приличных планетах. Зеленые глаза смеялись.

– Привет, детектив! – гаркнул он, спрыгивая на крышу.

Аэрокар с шелестящим звуком задвинул дверь и взлетел.

– Блин, как ты думаешь, если я тоже обзову Уокера, мне выделяют такой прикид? – продолжил он, обходя Коллингейма по кругу.

– Я не обзывал, – устало выдохнул Алекс.

– А, кого теперь это волнует! – отмахнулся Генри. – В сердцах народа ты навсегда останешься в одном ряду с такими эпическими героями, как Робин Гуд, Терминатор и Оби-Ван Кеноби. Ну, что мы ищем?

Олдмен был нетерпелив, как молодой ирландский сеттер, в ожидании когда ему кинут палку.

– Пару дней назад один человек провел здесь час времени, – ввел напарника в дело Коллингейм.

– Какой человек? – над вздернутыми бровями Олдмена хороводили сто вопросов.

– Живой, надеюсь.

– У сенатора сбежала любовница? – у Генри загорелись глаза.

– Ага. И унесла с собой пару миллионов, собранных на избирательную кампанию.

Блин, а правда, не прихватил ли с собой Блubberри деньги? Не потому ли теперь штаб вынужден экономить?

К счастью, Олдмен заметил только шутку и подмигнул.

Он вытащил из-за пазухи небольшой пластиковый кейс – тот самый «волшебный чемоданчик». Внутри был мощный фонарик, который светил в разных спектрах, очки со съёмными цветными линзами, несколько аэрозолей с реагентами. И пакетики для вещдоков и биоматериалов. Всё, что нужно детективу для работы на месте преступления.

– Ты меня просто спас, – похвалил напарника Коллингем. – Нам нужно осмотреть этот квадрат, – Алекс показал рукой вокруг. – Ну и для гарантии еще пару-тройку метров. Думаю, начать лучше от тамбура. Я бы устроился там, где есть на что опереться.

Генри, на правах обладателя, вооружился фонариком и взялся за освещенную сторону. Алекс занялся визуальным осмотром. С неба на крышу приметился еще один аэрокар.

– Чего потеряли, мужики? – приветливо спросил вышедший мужчина в деловом костюме среднего клерка.

– Жучок потерял, – привычно выдал Алекс дежурную фразу на такой случай. – Бабе своей хотел навесить.

– Ты что ль баба? – хохотнул мужик, обращаясь к Олдмену.

– Я продавец, – очень натурально обиделся напарник.

– А-а. Слышь, – вдруг ожил новоприбывший, оттаскивая Генри за локоть. – Тут такая тема есть...

Напарник только успел всунуть в руку детектива фонарик.

Пока они шушукались, Алекс методично осматривал поверхность, полосу за полосой. Ничего примечательного.

– Слышь, – местный обитатель или посетитель отпустил Олдмена и теперь вцепился в Алекса. – Лицо у тебя знакомое. Мы не встречались?

– Нет, братан, я бы запомнил, – уверил его детектив. – Наверное, с кем-то спутал.

Нужно побыстрее заканчивать. И дело не в том, что солнце стремительно набирало высоту, и фонарику всё труднее было с ним соперничать. А в том, что им просто не дадут работать. Мужик перемигнулся с Генри, не иначе, договорился о поставках, и пошел внутрь здания.

– Хорошо, что тебя крутили в старом имидже, – хохотнул язва-напарник, забирая фонарик и выталкивая детектива на другую сторону. – Сейчас бы от желающих с тобой сняться не отбилсЯ бы.

– Они не знают про Уокера, – возразил детектив.

– У тебя и без Уокера послужной список неслабый. Одна Роул чего стоит. У меня сперма.

– У меня тоже миллилитров пять найдется.

– Рад за тебя, – фыркнул Олдмен, – но у меня следы.

Алекс подошел. Да, однозначно, на поверхности крыши, почти у самого угла, в свете фонарика слабо отблескивали кучные пятна.

– Слишком бледные для пары дней. Дождя не было, – сделал вывод Коллинггейм.

– Чего им в кабинете не сиделось, – буркнул Генри.

– Так представь: темнота, огни ночного Квартала Развле-

чений, голая задница... Романтика, – сделал вывод Алекс.

– Фу. У меня всё. Больше ничего с этой стороны нет.

Коллингем кивнул и направился в дальний затененный угол тамбура возле самого края крыши. Там, возле бортика, в покрытии была небольшая опалина. Детектив опустил на корточки, ощупывая края. Затем стену выше. Стена была в мелких дырочках, словно от дробы. Он повел пальцами по стыку между бортиком и покрытием, пока пальцы не нащупали мелкий острый кусочек.

– Генри, поделись конвертиком, будь добр, – поднялся Алекс, отряхивая колени.

– Будешь должен сотню, – протянул Олдмен пластиковый резервуар.

– А не облезешь?

– Если отдашь, то не облезу, – пообещал он. – Что у тебя?

– Осколок, – признался Коллингем. – Как у тебя?

– Никаких других биологических следов нет.

– Значит, не труп. И на том спасибо, – порадовался детектив.

Олдмен прошелся по остальной крыше. Безрезультатно. Они успели завершить осмотр как раз тогда, когда на крышу приземлился новый аэрокар. Генри предложить свалить, пока их снова не заставили продавать жучки. Алекс согласился, и они быстро нырнули в здание. До аэрокаров они прогуляются.

Глава 7

По дороге к парковке Алекса не отпуска мысль о жучках. Если прослушивают его комм, следят за его передвижениями, кто мешает безопасникам сенатора поставить средства контроля на аэрокар, в квартиру? Конечно, это следствие подхваченной от Тайни паранойи. С другой стороны, когда кто-то угрожает твоей жизни и рассудку (пока только рассудку) твоей девушки, поневоле станешь параноиком. А еще эти танцы с гаджетами вокруг помощника сенатора... Олдмен делился очередной промашкой Великого Дакбилла, который вместе с напарником упустил подозреваемого прямо из-под клюва.

– Генри, – прервал его детектив. – Слушай, у тебя «рогатка», случаем, с собой не завалялась?..

– Хочешь вернуться и таки найти потерянный жучок? – хохотнул приятель.

– Нет, тут, в общем... Я тут подумал, что мне могли поставить прослушку, – неловко пояснил Алекс.

– У тебя мании величия нет, случаем? – озабоченно поинтересовался Олдмен.

– Генри, кончай, без тебя тошно. Лучше скажи, есть или нет? Я по-быстрому машинку прошупаю и тебе сразу верну.

– Есть, конечно, – буркнул напарник. – А твоя где?

– Моя дома. Мне только сейчас эта мысль пришла.

– Будешь должен сотню.

– Уговорил, буду должен сотню, – покладисто согласился Коллингейм.

– Эй, – заподозрил подвох Олдмен. – И отдашь!

– Не, мы договаривались, что я буду должен. Я буду очень переживать по этому поводу. Страдать, буквально. И совесть будет меня мучить. Но отдать я не обещал.

Олдмен стукнул детектива в плечо:

– Сволочь ты, всё же. За что тебя девки любят?

– Девки меня не любят, Генри.

– А Роул?

– Ты вот еще при ней скажи, что она девка, – фыркнул Алекс. – Какой у нее шикарный хук правой!

Аэрокар оказался чист, как слеза младенца. Олдмен еще раз прошелся по психическому здоровью детектива, точнее, по его отсутствию. Коллингейм даже спорить не стал. Просто поблагодарил, согласился как-нибудь посидеть за пивком и полетел в штаб-квартиру сенатора. Расчетное время в полете – десять минут. Можно вызвать Тайни. Потом еще долго у него такой возможности не будет.

Китиарка ответила почти сразу.

– Как дела? – поинтересовался Алекс.

– О, у меня-то тут, на корабле, масса приключений, – саркастически заметила Тайни. – Вот, только что вернулась из опасного путешествия в санзону.

– Могла бы меня подождать.

– Не могла, – возразила Роул. – И вообще, при всем уважении, Алекс, в туалет я предпочитаю ходить в компании женщины. Меня мама страховала.

– А я-то надеялся, что смогу стать свидетелем твоего похода в душ, – попытался скрыть неловкость детектив.

– Мне казалась, ты на работе, – ехидно заметила на это китиарка.

– Но я же не всё время на работе.

– Вот вернешься, и сходим в душ, – рассмеялась Тай.

Приподнятое настроение быстро пропало, стоило Алексу вспомнить об обстоятельствах ее полета.

Они попрощались.

Аэрокар опустился на крышу, выпустил пассажира и улетел. Коллингейма ждали материалы.

При входе в офис он отсалютовал невидимым коллегам и направился в тайную комнату.

Дорога пролегла мимо уже знакомого кабинета, в котором обитала Барбара Ожешко. Алекс подобрался, как перед клеткой с тигром. А вдруг дрессировщик забыл запереть? И, оказалось, шестое чувство и пятая точка детектива не обманули.

– ...Интрижек на рабочем месте я не потерплю! – раздался из-за двери оглушающий ры... – тьфу! – голос начальника избирательного штаба.

И прямо на Коллингейма вылетела, как ошпаренная, рыжуля из приемной Брукса. Она хлопнула дверью, прошипела

на подвернувшегося Алекса и уползла на рабочее место.

Коллингем какое-то время постоял, пытаясь выровнять дыхание. Тигровая змея тигра не слаще. Но мельче. Детектив медленно выдохнул. И пошел дальше. Его временное пристанище находилось примерно на середине пути от Барби до приемной.

Глен не соврал, материалы детектива уже ждали. На виртуальной панели комма появился значок «Файл». Так вот незамысловато.

Самым верхним в списке шло личное дело Томаса Шуза. Блubberри был родом с Атована. Никаких генетических связей с Китиарой, хотя по внешности и характеристике Рэттла можно было заподозрить. Он был из семьи среднего достатка. Мальчик блестяще учился и поступил на стипендиальную программу. Получил образование по специальности «Информационные технологии в связях с общественностью». Университет окончил на отлично. Профессиональные навыки начал отрабатывать еще во время учебы. Как выяснилось, юный Блubberри был активистом и патриотом. Он был волонтером по информационному продвижению в нескольких известных социальных проектах Атована. В том числе, являлся одним из идеологов благотворительного аукциона в пользу детей, страдающих синдромом Хардена, на котором детектив был вместе с Роул. Вот тебе и Ягодка Голубичка. Информационными технологиями Шуз интересовался всерьез. Во всяком случае, он посетил почти все лек-

ции, которые читал для местных студентов Виктор Майер, чтоб его... Конечно, вероятность того, что Томас замешан в случившемся с Роул, не очень высока. Но Алекс не был готов сбрасывать со счетов ни одну из версий.

Он прервался и набрал Олдмена.

– Что, уже соскучился, противный? – манерно поинтересовался Олдмен.

– Очень, – признался детектив. – Ты можешь сделать запрос о месте нахождения Виктора Майера?

– Опять – двадцать пять, – выдохнул Генри. – У тебя на фоне разыгравшейся паранойи обострилась ревность?

– Генри, ты просто скажи: можешь или нет?

– Ладно, сделаю. Но пиво – за твой счет. Завтра, – быстро уточнил напарник, наученный горьким опытом.

Алекс кивнул. Сегодня точно не получится. А завтра – почему нет?

И погрузился в материалы дальше. Дело содержало много галозаписей. Блуберри камера любила. Он был потрясающе галогеничен. Высокий, с изящной конституцией, но мужским сложением. Натуральные белокурые волосы идеально уложены. Глубокие, чистые голубые глаза. Стеснительная улыбка на пухлых губах. Мечта извращенца.

Впрочем, для кого-то реальность.

Коллингейм запустил запрос по Блуберри в поисковике. Томас Шуз не был публичной натурой. Во всяком случае, новостной поисковик выдал только один информационный

повод: «Лучший выпускник Ядра объяснил выбор работодателя: «Я всегда мечтал работать с сенатором Рональдом Бруксом, потому что он лучший»». Скромно и со вкусом. В самом сообщении говорилось, что Блubberри был не лучшим во всем Ядре, а всего лишь на курсе. Но это же детали. Всего лишь детали. М-да.

Но что говорить, он всё равно был хорош.

У Алекса, например, вообще не было высшего образования. Как у большинства на Атоване. Для таких, как детектив или Олдмен, звезды, которым удалось прорваться за пределы звездной системы благодаря своему таланту, были чем-то недостижимым. Возможно, юному дарованию помог какой-то добрый содомонянин. Или гоморриец. Но это лишь досужие домыслы.

Свою личную жизнь Томас не светил. В многообразии галоснимков его однокурсников Шуз появлялся регулярно. У него не было постоянного приятеля или девушки. Ни на одном из снимков он не был замечен в чем-то, порочащем светлое имя личного помощника сенатора. На снимках и записях он выглядел милым и улыбчивым. С ним были рады потискаться как мальчики, так и девочки. Сам же он про себя ничего в Мегасеть не выкладывал. Либо выкладывал там, куда не заглядывал Алекс. Детектив сделал для себя отметку попросить Тайни заняться этим феноменом. Авось, в разветвленной китиарской шпионской сети какая-нибудь рыбка на него клонет.

Коллингем откинулся в кресле, заложив руки в замок за головой.

Итак. Между сенатором и Томасом происходит некий разговор. Сразу после разговора Блуберри вызывает аэрокар на крышу средней руки офис-хауза и торчит там час. Потом за ним кто-то прилетает, расстреливает комм и улетает. Откуда этот кто-то знал, что Шуза нужно забрать? Именно оттуда, именно тогда? Если бы он улетел на своем транспорте, то всё просто – в аэрокаре могло быть второе средство связи. Но он вызвал общественный. Вывод? Либо встреча у него была назначена заранее, и разговор с Бруксом – стечение обстоятельств. Но тогда почему он улетел за час до назначенного времени? Его здесь прижали? Второй вариант: он договорился с кем-то здесь. С кем-то, с кем был дружен. Или более того. В общем-то, самое время посмотреть записи разговоров Томаса после сенатора.

Глава 8

Файлы записей лежали ровненькой стопочкой, по времени, один за другим. Подписанные по именам.

Самая ранняя запись называлась «Вивьен Марлоу». Никак, тигровая змея... Ну-ну.

Алекс нажал воспроизведение. Гарнитура вывела на сетчатку приемную. Рыжая сидит на диванчике для посетителей и нетерпеливо постукивает каблучком. Вот дверь в святая святых открывается, и из нее совершенно спокойно выходит помощник, как обычно, безупречный.

– Вивьен, вы можете войти, – доброжелательно приглашает Шуз.

Рыжая мгновенно морозится до агрегатного состояния манекенщицы с подиума и просачивается в кабинет с задраным курносым носом.

– Отлично выглядишь, – шепчет блондин и шлепает рыжую по пятой точке.

Не знал бы, что он гей, подумал бы, что флиртует. Как обманчива бывает природа.

Интересно, зачем Марлоу приглашали к сенатору? О чем они беседовали, и почему рыжая в итоге оказалась на месте Томаса? Может, к тому времени сенатор уже принял решение в отношении помощника, и Вивьен была плановой заменой? Мог ли об этом знать Шуз? Кто его знает.

Томас привел в порядок свой стол, расставив всё по видимым лишь ему линиям, и вышел из приемной. Наверное, Ванесса была частым гостем Брукса в такое время. Иначе вряд ли помощник так легко оставил бы «объект».

Следующим по списку шел файл с именем Невила Мейси. Алекс включил запись и убедился, что он действительно впервые видит этого молодого человека. Тот сидел за столом, но, судя по признакам, был невысок. Темные длинные волосы висели сосульками. Лицо с острым носом походило на орлиную голову в профиль. Глаза живые, карие, смотрели на Блubberри чуть насмешливо, как смотрят на несмысленного братца-малыша.

Интересно, как его, оскорбляющего тонкий вкус Барби, вообще пускают в штаб?

– Домой? – спросил незнакомый Невил. – Большой Босс отпустил?

– Угу. Отымел во все щели, и отпустил, – с милой улыбкой ответил Блubberри. – Вали говорит, отсюда. На все четыре стороны.

Удивительно, но едкие, казалось бы, слова были сказаны без капли агрессии. Шуз вообще производил впечатление человека на редкость миролюбивого и приятного. Как сытый, довольный котик. Удовлетворенный. Секса парню хватало с лихвой. Забавно, но в предыдущую встречу он таким расслабленным Алексу не показался. Впрочем, новая должность в первые месяцы никому расслабленности не добавля-

ет.

Собеседник Томаса, напротив, источал ту самую саркастическую язвительность, за которой обычно скрывается недотрах. Отношения у парней были близкие. Но скорее приятельские, нежели интимные. И они были слишком разные. Во всем. Но почему-то детективу бросился в глаза контраст кожи. Задубевшая от атованского солнца и ветров кожа Невила на острых скулах была землисто-смуглой. А нежные щечки Голубички были румяны, как у юной девушки. Замарашка и принцесса. Занятная парочка.

– Как поживает наше болото? – продолжил Блubberри. – Есть ли какие-то сдвиги?

– Болото, сэр. Тихо, все попрятались. Не определишь, что у них там, в котелках, варится.

– А если по запаху? – улыбнулся Томас.

– А то ты не знаешь, чем это пахнет, – недовольно пробурчал «замарашка». – У меня появилась пара мыслей, я подбросил несколько слухов. Но не уверен, что это сработает.

Веселенький у Брукса коллективчик... И всё же Мейси оставлял у Алекса двоякое чувство. С одной стороны, малый фекалистый. С другой... Что-то в нем было.

– Что у нас на повестке? – поинтересовался Невил. – Какую карту разыгрываем по итогу?

– Всё-таки сценарий № 2, – нахмурился Блubberри. – Денег минимум. К Барбаре даже подходить боюсь. Она сейчас один большой кусок антиматерии.

– Да, ладно. Ты же можешь, – приободрил приятеля чернявый.

– Я-то могу, – печально согласился Томас. – Но больно. Ладно. Идущий на смерть приветствует тебя, – блондин поднял руку раскрытой ладонью вперед.

– Аве цезарь, – симметрично ответил ему Мейси. – Мы будем хранить память о тебе в наших сердцах, – и он дважды стукнул себя кулаком по груди.

Если бы не последовавшие далее события, Коллингейм бы сказал, что это некий ритуал. Как рукопожатие у КаДэ. В свете пропажи Блubberри весь разговор пахивал циркулем, наугольником и прочими признаками вселенского заговора.

Помощник Брукса покинул невзрачный, как хозяин, кабинет Невила.

Невзрачный, но собственный.

Следующей по порядку шла встреча Томаса с Барбарой Ожешко. Забавно, но запись началась не в кабинете, а перед ним. Шуз помялся под дверью, теряя свою выправку, под стать самой Тигрице, постучался и вошел внутрь. Но уже другой. Взгляд был опущен. Тело сковано.

– Слушаю, Томас, – дозволила слово молвить Барби.

– Я хотел уточнить бюджет на запланированную поездку в приют. Если вы позволите, – не поднимая взгляда, произнес Блubberри. – Необходимо закупить игрушки и лекарства, – неуверенно закончил он.

– Нет у нас бюджета на игрушки и лекарства, – недовольно

пробормотала начальница штаба, переводя взгляд на окно, за которым уже смеркалось.

– А как же?.. – начал было Шуз.

– Пусть Энтони с Невом что-нибудь придумают, – Барбара посмотрела на собеседника и переплела перед собой пальцы. – Не то я возьму деньги с их зарплаты. Можешь так им и передать, – пригрозила она. – Что-нибудь еще?

Шуз постучал ногтями по столу, силясь что-то вспомнить.

– В расписании сенатора на ближайшие дни какие-нибудь изменения будут? – наконец, вспомнил Томас.

Барбара помотала головой:

– Нет, пока по-старому. Если Энтони надумает что-то менять, пусть мне не забудет сказать, – Барби поджала губы.

– Простите, – смиренно попросил Блubberри.

Барбара посветлела лицом. Умеет, гад, находить подход к людям. Не то, чтобы Алекс жаждал повторить его подвиг. Тут детектив по комплекции не подходил. При его мышечной массе прогибаться проблематично.

– Извините, – закрепил Шуз эффект.

И вынырнул за дверь. Без потерь.

Глава 9

Следующим лицом, обозначенным в списке, был Энтони Парсон. Кабинет Парсона уступал по площади сенаторскому, но был раза в два больше, чем у Барбары. Интересно, Барби по этому поводу комплексовала? Или женщины по поводу «у кого больше» не комплексуют? Нет, слабости – это не про миз Ожешко. В конце концов, хозяйка в этом офисе – она, и вряд ли вопрос планирования помещений прошел мимо нее. Скорее, размеры определялись функциями. Кабинет Барби – это место индивидуальных экзекуций. А у Парсона – приличный стол для совещаний. Здесь пистоны вставляют массово. На стене, за креслом мужчины висела рамка с галозаписями сенатора. Если Барби постоянно напоминала каждому встречному, что он (она, оно) лицо избирательной кампании, то Энтони Парсон опускал подчиненных на землю. Вот оно, истинное лицо. А все остальные вокруг – лишь мазки, создающие выгодный фон.

Когда Блubberри вошел, Парсон работал через гарнитуру. Энтони сфокусировал взгляд на помощнике сенатора.

– Пару минут, – бросил он Шузу и еще какое-то время постукивал пальцами по столу, набирая текст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.